

ЕЛИЗАВЕТА БАТМАЗ

ЛОВУШКА

**ИСПОВЕДЬ ЖЕНЩИНЫ,
ПОДВЕРГШЕЙСЯ НАСИЛИЮ
СО СТОРОНЫ МУЖА**

Книга, которую стоит прочитать каждой девушке

Документ (Рипол)

Елизавета Батмаз

Ловушка

«РИПОЛ Классик»

2017

Батмаз Е.

Ловушка / Е. Батмаз — «РИПОЛ Классик», 2017 — (Документ (Рипол))

ISBN 978-5-38-611068-0

Эта книга — исповедь, на которую решилась молодая жена бывшего врача. Анна жила в небольшом городке, но всегда мечтала о большой и дружной семье. Казалось, что она наконец-то нашла своё счастье... Но отношение к ней любимого мужа резко изменилось после свадьбы. Анна чувствует себя в ловушке, она будто бы приговорена к смерти. Эта книга поможет молодым девушкам и женщинам избежать ошибок главной героини и найти выход в исключительно сложной и даже, казалось бы, безвыходной ситуации.

ISBN 978-5-38-611068-0

© Батмаз Е., 2017
© РИПОЛ Классик, 2017

Содержание

Предыстория	6
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Елизавета Батмаз
Приговоренная к смерти.
Выжить любой ценой

© Батмаз Е., 2014

© ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2014

Предыстория

Я познакомилась с Анной уже довольно давно, мы часто встречались на занятиях в реабилитационном центре для людей, которые подверглись бытовому насилию в семье. Я уже много лет работаю там волонтером, но каждая история вновь и вновь поражает меня до глубины души. За каждой такой, казалось бы, типичной историей, искалеченная психика, судьба отдельно взятой женщины.

По данным последнего масштабного исследования, почти восемьдесят процентов опрошенных женщин из двадцати стран столкнулись хотя бы с одним из проявлений психологического насилия со стороны мужа.

Каждое седьмое убийство на Земле происходит внутри семей, и свыше сорока процентов из них – по вине мужчины. Кроме того, бытовое насилие, как это ни странно, больше всего распространено в развитых странах.

Мы много разговаривали с Анной. Ее история, с одной стороны, своеобразна, а с другой – совершенно обыденна.

Наши беседы были связаны не только с ее замужеством и последующими событиями, она рассказала мне и о своей жизни, такой, какой она ее запомнила.

Не стоит упрекать Анну в обрывочности ее историй – таковы свойства нашей памяти, она выхватывает из потока сознания самые важные воспоминания.

Сейчас Анне тридцать два, события, о которых пойдет речь в этой книге, произошли с нашей героиней почти пять лет назад – все это время молодая женщина пытается забыть свои переживания и научиться жить заново. Я рада, что благодаря родным и близким у нее это уже получается.

Быть может, кто-то, прочитав эту книгу, упрекнет нас в том, что она лишена художественной изящности, но мы ставили перед собой задачу рассказать честно, документально, ничего не утаивая, – все именно так, как рассказывала наша героиня.

К сожалению, домашнее насилие – это одна из самых тяжелых социальных проблем современного общества, поскольку выявить факт его существования подчас бывает непросто. Жертвы семейных драм избегают обращаться за помощью, стремясь спрятать семейные конфликты от глаз посторонних. Некоторые, наоборот, просят о помощи, но их никто не хочет слышать.

Домашнее насилие может выражаться в форме физического, психологического, сексуального или экономического воздействия на человека.

Эта проблема имеет гендерные признаки – чаще всего жертвами домашнего насилия становятся женщины.

Мы еще раз выражаем благодарность и уважение тем женщинам, которые нашли в себе силы рассказать о том, что с ними случилось, не побоялись изменить свою жизнь.

Отдельную благодарность я выражаю Анне, которая разрешила мне записать ее историю и попытаться помочь тем женщинам, которые еще раздумывают, стоит ли открыто говорить о проблемах в их семье.

* * *

Я прихожу в себя и слышу мерный писк какого-то прибора. Мне хочется глубоко вздохнуть, но попытка набрать побольше воздуха в легкие причиняет нестерпимую боль. Мне хочется пить, но я не помню, что нужно сделать для того, чтобы попросить воды. Хочу открыть глаза, посмотреть, что происходит вокруг, но мне и это не удается – они чем-то залеплены.

Пытаюсь поднять руку или ногу, но совсем их не чувствую.

Я отчаянно пытаюсь вспомнить, кто я, где нахожусь и что произошло, но меня постоянно сбивает этот противный писк, который никак не дает сосредоточиться на одной мысли.

Прислушиваюсь к себе – все тело болит и не подчиняется моим желаниям. Особенно сложно дышать, а еще нестерпимо болит в области живота. Стараюсь не думать об этом и отгоняю неприятные мысли.

Нужно успокоиться, сосредоточиться, тогда я пойму, что со мной произошло. Мое сознание затихает, и я стараюсь понять себя. Я слышу в себе стук, довольный слабый, но в тоже время равномерный и настойчивый. Он такой гулкий, что разносится по всему моему опустевшему телу. Мне требуется некоторое время, чтобы понять – так бьется мое сердце. Иногда, как будто чего-то испугавшись, оно затихает, вместе с ним прекращается внешний писк. Наверное, этот таинственный прибор каким-то образом следит за моим сердцем.

Почему-то мне становится страшно, я хочу крикнуть, чтобы эту писклявую машину выключили, мне больно, по почему-то никто этого не понимает, я не могу двинуться – пусть они вернут гибкость моим рукам и ногам, вернут мое зрение, уберут эту ноющую постоянную боль внизу живота, я не могу больше ее переносить.

Я не знаю, сколько я так лежу, но постоянно мы примираемся с пищущим прибором, он больше не раздражает меня, наоборот, кажется, успокаивает, и я уношусь в какое-то ирреальное розовое пространство, плыву на покачивающемся облаке, до меня долетают порывы свежего ветерка, я спокойна и расслаблена.

Из этого состояния меня возвращают далекие, еле различимые голоса. Они нарушают мой покой, и мне это совсем не нравится, без них было так хорошо, а теперь они заставляют думать, какая-то мысль беспокойно мечется в моей голове, но я, как ни стараюсь, все никак не могу ухватить ее. Хочется обратно на облако, в розовую реальность, но голоса никак не дают мне вновь забыться.

Их всего три, два кажутся очень знакомыми, а один, бархатный баритон, я точно слышу в первый раз. Мне хочется понять, что обсуждают эти голоса, но сначала их разговор долетает до меня какими-то несвязными отрывками.

– Успокойтесь, Маргарита Васильевна, ей сейчас стало гораздо проще дышать, слышите, больше никаких хрипов, дыхание равномерное, – говорит незнакомый баритон.

– Я вам всю жизнь буду благодарна, что спасли ее, как же мы ее не уберегли, – всхлипывает знакомый женский голос.

– Успокойтесь, все позади, главное, что она жива, – звучит печальный мужской голос.

– Что же теперь будет, за что нам все это?! Она же такая добрая девочка была всю жизнь – слова никогда никому поперек не скажет, заботливая, отзывчивая. Я во всем виновата, всю жизнь ей испортила, она работала за пятерых, – причитает женщина.

– Успокойтесь, Маргарита Васильевна, я уверен, все образуется, мы же все вместе, мы поможем Анне справиться с горем, – успокаивает ее знакомый мужской голос.

– Да, сейчас вы должны быть с ней предельно внимательны, заботиться о ее состоянии, относиться с пониманием ко всем просьбам. Да уж, бедная девочка, – сочувственно произносит баритон.

– Как же она мучилась, на седьмом месяце такое пережить. Бедная моя, доченька...

Я чувствую, как в моей руке прикасается теплая ладонь. Я вздрагиваю: мама. Да, это она, моя мама стоит и плачет надо мной. Постепенно сознание и воспоминания начинают возвращаться ко мне.

– Она пошевелилась, – говорит мама. – Доктор, что это значит?

– Думаю, она начинает постепенно отходить от наркоза. Это хорошо, – говорит баритон, принадлежащий врачу.

– Что же мы ей скажем? Голос мамы звучит совсем тихо.

– Правду, конечно же, это тяжело, но, сами понимаете, мы не сможем ничего от нее утаить, – отвечает врач.

– Да, Маргарита Васильевна, нам придется сказать, что ребенок погиб при родах. Скрывать не имеет смысла, да это и невозможно. Но... я сам не знаю, как смириться с этим, я виноват, так виноват, зачем только я оставил ее одну? – сокрушается мужской голос.

– Глеб, – нерешительно говорит мама, – быть может, не стоит ей говорить, что она сама... ну... то, что она сама спровоцировала эти роды?

– А что мы ей скажем? – говорит Глеб.

– Что угодно, но только не это, она так мечтала о малыше, готовилась, моя бедная девочка, не понимаю, что на нее нашло.

– Я сам не знаю, кто мог подумать, что эти ее приступы агрессии станут проявляться все чаще во время беременности.

– Я думаю, что лучше не травмировать ее сознание, – вторит маме врач. – Достаточно того, что она узнает, что потеряла ребенка. Нам нужно еще выяснить причину неврозов, но мне тоже искренне жаль, Глеб что это произошло в твоей семье. Глядя на нее, не подумаешь, что эта тихая девушка на такое способна. Тем более порезать собственного мужа.

Я слышу громкий вздох мамы.

– Да нет, что вы, я ни в чем ее не виню. Я очень люблю Анну и никогда ее не брошу, слышите, никогда, – убитым голосом говорит Глеб.

– Ты не думал, что стоит показать ее психиатру, понятно, что у нас в городе его нет, но отвезти в Минск – у тебя же там много друзей, – аккуратно предлагает врач.

– Нет, – сухо отвечает Глеб, – я не стану этого делать. Если я расскажу им, что она наносит себе увечья, как кричала, что ненавидит ребенка, и сбросилась с лестницы, только чтобы его не рожать, они тут же поставят ей диагноз и отправят на принудительное лечение.

– Но она пырнула тебя ножом, – не унимается врач.

– Пырнула, – кажется, что Глеб негодует, – это всего лишь царапина. Послушай, Константин, я ее люблю, буду сам о ней заботиться, тем более, неужели ты хочешь причинить боль всей ее семье, а особенно маме? Нет, я обрел семью в лице этих людей, никогда их не предаю. Не проси меня отвезти ее к психиатрам.

– Что же...

– Я прошу, забудь эту историю, я сам во всем разберусь, – тяжело вздыхает Глеб.

Слышу, как мама начинает громко плакать.

– Маргарита Васильевна, мы справимся, – пытается успокоить ее Глеб.

– Моя дочь не сумасшедшая, – громко и четко отвечает мама.

Ах, мамочка, любимая, если бы ты знала, насколько я не сумасшедшая. Но если бы я рискнула рассказать правду... даже боюсь представить, чтобы случилось. Он пригрозил мне, что если я начну жаловаться кому-нибудь, то он без промедления убьет этого человека. Я верю, что он может это сделать. Я не хочу, чтобы по моей вине пострадал еще один человек. На моих руках и так кровь, кровь моего нерожденного ребенка.

Глеб возненавидел нашего ребенка в тот самый момент, когда узнал о его существовании. Он тут же сказал, что он только мой, потому что я, скорее всего, его нагуляла. Он часто кричал, что это не его ребенок – ведь у него просто не может быть детей.

Сначала я думала, что он просто по ошибке думает, что бесплоден, хотела предложить сделать тесты, убеждала, что он был моим первым и единственным мужчиной, но мой муж перестал меня слышать.

Через какое-то время он пришел к выводу, что назовет ребенка своим только после того, как сделает анализ ДНК. Мне было ужасно обидно, но я молчала, согласившись и с этим. Не могу сказать, что первые месяцы беременности были очень спокойные, каждый день я видела

недовольное лицо мужа, который с какой-то брезгливостью стал относиться к моему положению.

Я пыталась рассказывать ему об изменениях в организме, потому что в моем представлении все отцы с радостью ждут появления на свет первенца. Он не слушал, уходил из комнаты, из дому, долго где-то бродил, возвращался очень возбужденным и злым.

У меня стал расти живот, а Глеб изменился окончательно, он не давал мне общаться с родителями, утверждая, что это я избегаю встреч. Мама обижалась, но постепенно смирилась – вероятно, решила, что это причуды беременной дочери.

Он и до этого поднимал на меня руку, но я старалась даже не вспоминать об этих случаях. Как-то с утра я пошла готовить ему завтрак, но меня стало тошнить от запаха еды. Трудно описать всю степень негодования мужа, он орал, метался по комнате, а потом подбежал и со всей силы пнул меня в живот. Я совершенно не ожидала подобной реакции, поэтому, не удержав равновесия, упала на пол.

Но это был не единичный случай. Мужу очень понравилось щипать и пинать меня. На одном из осмотров врач спросила, откуда у меня столько синяков на руках. Муж не моргнув глазом рассказал о том, каким неожиданным событием стала для меня беременность, что я не могу принять того, что в моем организме происходят изменения, и неосознанно пытаюсь отторгнуть новое.

Мне казалось, что врач не поверит, она же женщина, как может статься, что мать захочет избавиться от собственного ребенка? Но она поверила, как поверили все те, кому она пересказала эту чудовищную, на ее взгляд, историю.

Через пару дней Глеб пошутил, что врач хоть и женщина, но очень помогла ему, распустив слухи о чокнутой молодой жене бедного доктора, которая от скуки начинает чудить. Он сказал, что ему теперь даже не придется скрываться, и, верно, мои синяки, царапины и ссадины стали предметом открытых дискуссий, муж с гордостью показывал их всем желающим и, притворно вздыхая, рассказывал, что я сама изо дня в день пытаюсь нанести себе увечья, а он не успевает за мной следить.

Слухи быстро дошли до моих родителей. Моя бедная интеллигентная мама позвонила к нам в дом и сообщила о предстоящем визите. Конечно, Глеб успел подготовиться. Он в подробностях описал мне все, что сделает с моей семьей, если я посмею хотя бы открыть рот. Чтобы закрепить полученные знания, он пару раз больно ударил меня по лицу.

Когда в дом зашла мама, он развел руками и, картинно вздыхая, показал на меня, мол, смотрите, что она с собой сделала. Мама безгранично доверяла этому человеку. Я не могу его винить, потому что в нашем городе, где преступления совершались раз в десять лет, да и то это была кража звонка от велосипеда, проще было поверить в то, что я сошла с ума, чем признать, будто молодой врач из столицы избивает свою жену.

Чувствуя свою безнаказанность, Глеб, кажется, совсем расслабился, но через некоторое время, как мне показалось, совсем забыл о моей беременности. Но это было затишье перед самой настоящей бурей.

На двадцатой неделе беременности, он решил узнать пол ребенка. Я обрадовалась, потому что подумала, что наваждение прошло, Глеб примирился с мыслью об отцовстве и все у нас пойдет своим чередом. Но я горько ошибалась.

В ночь перед тем, как я должна была отправиться на осмотр, Глеб разбудил меня и прошипел в ухо:

– Молись, чтобы это был мальчик!

После этих слов я не могла уснуть всю ночь, я лежала ни жива ни мертва и с ужасом думала о завтрашнем дне. Я гладила живот, и мне казалось, что маленькое существо, которое находилось там, чувствует мой страх и тоже затаилось.

На следующий день Глеб с утра отправился со мной в больницу. Он терапевт – у него свои пациенты, поэтому на УЗИ я пошла одна. В кабине сидела та же женщина, что окрестила меня сумасшедшей.

Врач неодобрительно взглянула на меня, а я попыталась ей слегка улыбнуться. Видимо, улыбка моя получилась вымученная, потому что женщина участливо улыбнулась в ответ и предложила лечь на кушетку. Остальные события я плохо помню.

Я лежала и смотрела на черно-белый экран, на котором была сосредоточена моя жизнь.

– Так... так... так... очень хорошо, – повторяла врач. – Смотрите же, ручки, ножки, головка, так... так...

Мне становилась жутко от ее размеренного так.

– А сейчас посмотрим, кто у вас. Ну-ка, покажись... Интересно, сейчас увидим... ага, поздравляю, у вас девочка!

Эти слова заставили меня вздрогнуть.

– Что такое? Заболело где-то? – испугалась врач.

– Не говорите, я очень прошу, не говорите, что у меня девочка, – испуганно зашептала я.

– Как же не говорить, мамаша, если у вас девочка, – опешила врач.

– Я вас очень прошу, вы же женщина, не говорите, – просила я.

– Первый раз вижу беременную, которая вот так реагирует. Вы что, мальчика хотели, что ли? Так ничего, потом и мальчик будет. Ребенок – счастье в любом случае, – улыбнулась мне врач.

– Нет, нет, вы не понимаете, ему не говорите, Глебу, скажите, что не увидели, пожалуйста, я вас умоляю. – Кажется, я тогда схватила ее за руки и прижала к своей груди. – Защитите меня, не надо ему говорить.

Врач уже начала волноваться:

– Девочка, ты успокойся, сейчас придет свой муж, и мы все решим.

– Не говорите ему, прошу, я не знаю, что он хочет сделать с ребенком...

– А... я поняла, хотите мужу говорить сейчас, наедине сюрприз сделаете.

– Вообще не надо говорить, – шептала я.

В этот момент в дверях показался Глеб.

– Что такое, что мне не надо говорить? – тепло улыбаясь, спросил он.

– Да вот, наша будущая мамочка не хочет, чтобы Вы, Глеб Борисович, заранее узнали, что у Вас девочка будет. Поздравляю! – засмеялась врач.

– Алла Афанасьевна, это просто чудо, а не новость, – улыбнулся Глеб, но я видела, что его злые колючие глаза смотрят на меня. – Сегодня весь вечер будем отмечать.

Алла Афанасьевна, эта милая женщина, вновь убедила всех, кому успела рассказать, что у меня не в порядке с головой.

А мы с мужем отмечали. Каждый день. Ударами, щипками и пинками. Не знаю, чего он хотел добиться но постоянно, будто зачарованный повторял:

– Нужно избавиться от этой гадости, во что бы то ни стало. Я должен сделать так, чтобы в мир не пришла еще одна женщина. Какой позор...

Так он говорил о собственном ребенке.

Он терпел нас на протяжении еще двух месяцев.

А однажды, придя вечером домой, заявил – с него хватит. Не знаю, что на Глеба нашло в тот день, но он сказал, что сегодня, именно этим вечером, судьба этой заразы решится.

Как же я испугалась, кричала, звала на помощь, но от только снисходительно улыбался и говорил, что никто не прибежит, услышав крики сумасшедшей. Глеб все точно рассчитал, он как гончая загонял свою добычу с точным расчетом, зная, куда дорога приведет жертву.

Сначала я пряталась от него по комнатам, но он находил меня, тычками и пинками выгонял из комнат, кричал, чтобы я немедленно спустилась вниз. Материнский инстинкт шептал

мне, что я ни в коем случае не должна этого делать, поэтому, собрав все силы, я в очередной раз убежала от мужа, спряталась в спальне и закрыла дверь на замок.

– Немедленно выходи, если хочешь, чтобы я оставил в живых тебя и твое отродье, – орал муж. Он бил кулаком в дверь, а я сидела в углу комнаты и боялась даже дышать.

– Глеб, пожалуйста, не трогай меня, я уйду к родителям, уеду из города, сделаю все что угодно, только прошу, не трогай нашего ребенка, – со слезами умоляла я.

– Заткнись, у меня нет никакого ребенка и никогда не будет. Ты настолько порочна, что не можешь даже родить мальчика. Если это был мальчик, я бы мог сражаться за его душу, а так нет, я совершу то, что предназначено!

– О чем ты говоришь, что предназначено, это твоя девочка, твой ребенок, за что ты хочешь убить ее?

– Ты сама знаешь ответы на эти вопросы, – сам не свой от ярости кричал мой муж.

Все пути к отступлению были отрезаны – я находилась на втором этаже, и если бы попыталась выбраться из окна, то точно не смогла бы спасти ребенка. За дверь бился муж.

Я схватила мобильный телефон, который лежал на тумбочке, и набрала номер мамы, после третьего гудка трубку взяли и я закричала:

– Мама, мамочка, пожалуйста, заведи меня отсюда, он меня убьет!

– Аня, что случилось? – услышала я спокойный голос мамы.

– Мама, он хочет убить меня, – орала я. – Спаси меня.

– Тихо девочка, успокойся. Где Глеб? Дай ему трубку, что происходит?

Удары в дверь были все сильнее, видимо, муж пытался ее чем-то выломать.

Я попыталась спрятаться под кровать, руки дрожали, поэтому телефон выпал из рук и с громким стуком ударился об пол.

– Мама, – последний раз успела крикнуть я, когда дверь слетела с петель, и на пороге появился Глеб.

Он тут же схватил телефон.

– Аллю, аллю, Маргарита Васильевна, да, это я, – как ни в чем не бывало начал он. – Прибежал снизу, услышав ее крик, да, не знаю, что такое, сидит в углу комнаты, кричит, что я хочу ее убить. Не знаю, буду пытаться ее успокоить, возможно, дам ей успокоительное. Да, хорошо, перезвоню.

Я во все глаза смотрела на мужа. Мне казалось, что все это происходит не со мной. Может, я и на самом деле схожу с ума. Я никак не могла встать и старалась отползти из комнаты.

Глеб повернулся ко мне, и я поняла – спасения нет. Он начал надвигаться на меня.

– Я же сказал, чтобы ты не смела жаловаться, – отчеканивая каждое слово, начал он.

– Я больше никогда так не поступлю. – Мой голос дрожал.

– Конечно, – сказал он, и я увидела, как в его руке поблескивает лезвие большого кухонного ножа.

– Глеб, не надо, – взмолилась я и тут же почувствовала резкую боль, которая пронзила мой живот.

– Что, твое отродье чувствует, что время расплаты пришло? – дико сверкая глазами, спросил муж.

– Пожалуйста, не надо, я сделаю все, что ты хочешь, только не трогай малышку.

– Ты знаешь, чего я хочу, Анна...

– Нет, нет, прошу помощи мне, я не могу встать, давай поедem в больницу, – крикнула я.

– Конечно, мы поедem, только не так быстро, – ответил муж и сделал еще один шаг мне на встречу.

Мне было ужасно больно, но я не могла допустить, чтобы этот человек причинил вред моему ребенку, собравшись с силами, я встала, и бросилась прочь из комнаты, держась за

живот. Мне нужно было добраться до лестницы, спуститься, добежать до двери, на улице я буду кричать и звать на помощь, мне обязательно помогут.

Я добралась до лестницы, еще немного – и я буду свободна.

– Твоя мать едет сюда, знай, даже если ты сейчас сбежишь, я ее убью. Мне все равно.

Я остановилась на верхней ступеньке лестницы.

– Хочешь, чтобы я убил ее, ее кровь будет на твоей совести, – услышала я голос за своей спиной. – Выбирай, мать или ребенок. Я даю тебе шанс, Анечка.

Я повернулась. Он стоял прямо за мной, кажется, я что-то хотела сказать, но он вдруг подался на меня и замахнулся ножом. Мне давно нужно привыкнуть к его неожиданным нападениям, но я оступилась, попыталась удержаться за перила, но он нанес мне сильный молниеносный удар по руке деревянной рукояткой ножа. От боли я разжала пальцы и покатила с лестницы вниз.

Видимо, я потеряла сознание, потому что, когда пришла в себя, увидела, что он уже спустился с лестницы, стоит и смотрит на меня сверху вниз. На его губах играла мерзкая улыбка.

– Думала убежать? Не самое лучшее решение, любимая.

Он опустился передом мной на колени.

– Знаешь, а у тебя кровь, вот здесь, – он указал куда-то вниз живота. Я хотела посмотреть, но не могла даже пошевелиться от боли. – А знаешь, что самое интересно, твоя мамочка ведь не спешит тебе на помощь. Но ты не волнуйся, я позабочусь о тебе, все будет хорошо.

В тот момент мне показалось, что моя жизнь закончена.

– Ребенок...

– Да-да, думаю, с ним что-то случилось, дорогая, сейчас, подожди, мы поедем в больницу, но сначала я должен кое-что сделать. С этими словами муж вновь взял нож, вложил мне его в правую руку и, держа в своей, полоснул острием ножа по своей. – Какая ты неосторожная, хотела порезать меня, совсем сошла с ума, да?

– Глеб, что ты делаешь?

– Это ты что делаешь, – сказал муж, еще раз полоснув себя по руке, – Решила напасть на собственного мужа, а потом, когда не удалось, решила избавиться от ребенка и сбросилась с лестницы, так ведь?

Я не могла ответить ему ничего.

– Ну не волнуйся, сейчас я позвоню, и о нас позаботятся, любимая. – С этими словами Глеб наклонился и поцеловал меня в губы.

Потом он поднялся, вынул из кармана мобильный телефон и, немного подождав, заговорил:

– Маргарита Васильевна, скорее приезжайте, Аня хотела напасть на меня и упала с лестницы – не знаю, что мне делать. Скорее! – В его голосе звучала неподдельная тревога, я бы поверила, если бы в этот момент он не смотрел на меня и не улыбался.

Больше ничего не помню, потому что снова потеряла сознание.

Теперь трое: мой убийца, моя несчастная, ни о чем не подозревающая мать, и врач – решали мою судьбу.

Они могли сделать все что угодно – теперь мне было все равно. Человек, которого я когда-то полюбила, убил моего ребенка. Моя мать верила убийце, потому что у нее и мысли не могло возникнуть, что слова мужа – обычная ложь. Все в городе судачили о том, что я сошла с ума... или же нет, всегда была умалишенной, просто с момента беременности мое состояние ухудшилось.

Я не могла двинуться и произнести ни слова в свою защиту, находилась полностью во власти этих людей. Я бы предпочла, чтобы меня навсегда закрыли в сумасшедшем доме, чтобы больше не слышать этой лжи, клеветы и не видеть никого, кто сломал мою жизнь.

– Скажите, доктор, она нас слышит? – с болью в голосе спросила мама.

– Конечно. Поговорите с ней, – ответил врач.

Мама вновь подошла ко мне – я вновь почувствовала ее теплую ладонь на своей.

– Аня, слышишь, мы справимся, все будет хорошо. Ты помни, я тебя люблю и ни в чем не виню. Глеб с нами, он тебя любит и поможет нам. Мы тебя ни за что не оставим, солнышко мое. Поправляйся. Я тебя люблю, – прошептала мама.

Я почувствовала, что она отошла от меня, а в следующее мгновение услышала, как она спросила у врача:

– Ребенка точно нельзя было спасти, доктор?

– После падения начались преждевременные роды, к сожалению, ребенок оказался слишком слаб – это несовместимо с жизнью, – вздохнул врач.

– Что же, нам нужно с этим смириться, – ответила мама. – Глеб, поговоришь с ней? Я думаю, ей очень важно услышать твой голос.

Я физически чувствовала, как он подошел к моей кровати и склонился ко мне.

– Я рад, что ты жива, – горячо зашептал он.

Я услышала, как медицинский прибор запищал сильнее, сознание стало вновь покидать меня.

– Хорошо, что ребенка больше нет, потому что у меня на тебя другие планы, любимая, – тихо сказал муж.

В этот момент я перестала слышать успокаивающие, ритмичные удары сердца, а прибор просто взорвался в писк.

– У нее сейчас будет остановка сердца, немедленно все покиньте палату, – услышала я возглас врача-баритона перед тем, как погрузиться в спасительное небытие.

Позже я узнала, ребенок, которого я носила под сердцем, на самом деле был мальчик.

* * *

Я женщина, а женщина должна быть молчалива и услужлива. Главное ее предназначение – во всем повиноваться мужчине.

Глаза мои не должны подниматься, когда муж говорит со мной, а с языка никогда не сорвутся слова, которые будут противоречить мнению мужчины.

Женщины ленивые, тщеславные, коварные, жадные и лживые существа. Так считает мой супруг, и не устает каждый день доказывать правдивость своего суждения.

Женщина – это главное порождение темных сил, вместилище всевозможных пороков, искуситель, который толкает совершенное существо, мужчину, на необдуманные поступки, которые губят его добродетели.

Женщина от лукавого: она искушает, совращает мужчину, делает его рабом своих желаний и заставляет забыть самого себя. Ее льстивые речи, полные дурманящего сознание тумана, призваны запутать мужчину и отвратить его от истинного жизненного пути.

Тщеславие женщины заставляет мужчину вопреки собственному желанию стремиться к обогащению и забывать о духовной составляющей жизни.

Каждое слово женщины – ложь. Каждая мысль порочна. Если ты хочешь выжить – не верь ни единому слову той, что пленит твой разум, будь стойким и сильным в борьбе со злом, воплощенным на земле.

Каждая женщина от природы ленива, поэтому не желает выполнять свои домашние обязанности, предпочитая праздность и уныние.

Если ты видишь добродетельную женщину – не верь глазам своим. Перед тобой змея, которая, приняв облик человека, пытается пробраться в твой дом, в твою жизнь и, главное, захватить твою душу.

Женщина – это инкубатор, сосуд, в котором долгих девять месяцев находится порождение вашей греховной связи. Ребенок. Будь мужествен, когда коварная соблазнительница сообщит тебе, что в ней возникла новая жизнь. Только глупцы, еще не знающие, что это кара, искренне радуются известию о скором отцовстве. Будь внимателен и следи за всеми изменениями, которые происходят с этим греховным вместилищем новой жизни, чтобы успеть заметить зарождение в нем нового зла.

Ты должен быть сильным и смириться с предстоящей борьбой. Проклинай тот день, когда узнаешь, что на свет появится дочь: знай, схватка за ее душу проиграна. Если ты узнаешь, что женщина носит под сердцем сына, у тебя еще есть возможность вступить в борьбу за его жизнь.

Никогда не верь слезам женщины: они так же бессмысленны, как и ее существование в этом мире. Бойся пожалеть ту, которая заставляет тебя забывать все на свете, рождая в твоём теле страсть и желание. Не верь, не жалея и не слушай. Женщина – не человек, она воплощенный порок, одержимое создание.

Помни, каждый мужчина рождается, чтобы стать погонщиком стада развратных женских тел, и призван заставить искупить хотя бы одну бесстыдную женщину вину перед родом человеческим.

Главное чувство каждой женщины – похоть. Именно она движет ей, начиная с первого крика и заканчивая последним вздохом, который срывается с ее порочных губ. Каждый поцелуй женщины – ядовитый укус, в каждом объятии смертельная опасность, любое слово кристальная ложь.

Женщина – это животное, грязное, бездушное, злое, чванливое. Если ты оказался слаб, не смог противостоять женщине и позволил ей переступить порог своего дома, позаботься о других, постарайся огородить людей от ее тлетворного влияния.

Не жалея чудовище – относись к нему так же, как оно отнеслось бы к тебе, если бы ты был слаб и позволил ему проскользнуть в свою душу.

Не говори с ним и не пытайся указать светлый путь возрождения – помни, женская душа давно источает смердящий запах, от которого уже никуда не скрыться.

В этом мире мужчины давно попали под влияние мерзких особей, которые именуют себя женщинами. Осталось так мало тех, кто берет на смелость постараться противостоять вселенскому злу. Если ты выходишь на тропу войны, знай, что коварства и хитрости женщины хватит для того, чтобы тебя сломить.

Единственная возможность противостоять этому дикому существу – изолировать его от общества, ослабить ежедневным указанием на исключительную порочность его существования, унижить и наглядно показать всю низменность ее происхождения и существования.

Не разрешай своей женщине общаться и вступать в беседы с ей подобными, чтобы не приумножать зло. Не давай возможности приблизиться к другим мужчинам, потому что ее коварства и лицемерия достаточно для того, чтобы оболгать тебя.

Не позволяй ей покидать дом, потому что она не должна разносить зло по миру.

За каждую провинность женщину нужно наказывать. Если она недостаточно усердно работает по дому, ты можешь показать, что руки ей не к чему. Бей ее по рукам ремнем, а если и этого окажется недостаточно, загоняй под ногти булавки. Боль отрезвляет.

Когда женщина не отличается расторопностью, это означает, что она несказанно ленива. Не верь в истории о том, что она больна, и наказывай по всей строгости, которая полагается в данном случае. Для наказания может подойти любая тяжелая вещь. Уличные ботинки, палка от швабры, ремень. Старайся не прикасаться к ней руками и не бить по лицу. Если она начинает просить прощения, умолять не трогать ее и ползает у тебя в ногах, это верный признак того, что она наконец начинает приходить в чувство и осознать всю низменность своей природы. Для закрепления эффекта от наказания ты можешь еще несколько раз пнуть ее мерзкое тело, чтобы она надолго запомнила, как должна себя вести.

Если женщина слишком много ест, это очень плохо. Это мужчине, добытчику, нужно питаться три раза в день; женщина же, ведя бесполезное существование, лишь даром получает еду, поэтому старайся ограничивать ее во всем.

Часто женщины слишком много говорят: пытаются давать мужу советы или портят сыновей своими ядовитыми идеями, обрывают телефоны родственников и знакомых. Старайся избежать подобных ситуаций, опасайся злого языка своей жены и ограничивай ее общение с миром. Пустые слова не принесут тебе ничего, кроме разочарования, тревоги и лишних хлопот. В идеале женщина должна была быть вовсе лишена языка, но пока ты можешь лишь указывать ей на то, что язык – это один из главных рудиментов ее бесполезного тела. Надевай ей на язык бельевые прищепки, но внимательно относись к тому, чтобы в момент, когда он посинеет, успеть снять это полезное приспособление, чтобы не вызвать излишних подозрений у других.

Важно соблюдать простые правила поведения с женщиной в постели. Никогда не позволяй ей ни секунды доминировать над тобой, помни, что змея способна ужалить в любой момент. Тело каждой женщины создано для утех. Никогда не ходи к тем, что отдают его за деньги: они ничем не отличаются от той, которая ждет тебя дома. Хотя, скорее напротив, они честны – не скрывают своей жадности и порочности. Тело каждой женщины порочно. Избегай тех, которые отдавали его разным мужчинам, потому что они коварнее и опаснее прочих. Избирай ту, которая еще не знает о том, насколько мерзко его тело, но опасайся поверить, что твоя женщина чиста – в каждой от рождения сидит зерно порока.

Не разрешай ей думать, что благодаря своему телу и ощущениям, которые оно рождает в мужчине, женщина будет способна управлять тобой. Ты должен изо дня в день утверждать свое превосходство над ее слабой плотью. Не позволяй ей заглядываться на других мужчин, соблазнять своей красотой слабых и подвергать их своему влиянию. Ты должен заставить женщину думать о близости с мужчиной как о чем-то ужасном, противоестественном и болезненном, чтобы она и не смела помыслить уйти от тебя.

В течение дня каждая женщина совершает сотни маленьких провинностей, поэтому тебе стоит быть бдительным, чтобы неустанно указывать ей на них. В качестве наказания подойдут щипки и слова, которые способны унижить женщину и вновь заставить ее задуматься о своем неблагочестивом поведении в отношении супруга.

Самое главное, что должен сделать мужчина, – оградить семью женщины от ее тлетворного влияния. Запрещай ей часто встречаться с родителями и прочими родственниками, дабы избежать конфликтных ситуаций, которые могут возникнуть, когда твоя лживая жена решит оклеветать тебя и представит все твои благие намерения как попытку неоправданного физического или психологического воздействия на нее.

Каждая женщина по природе своей бесполезна. Она не может принести пользу обществу, в отличие от мужчины, но при этом безмерно корыстна и обожает деньги. Деньги твоей жене ни к чему. Выделяй их ровно столько, сколько ей может понадобиться для похода в магазин, но бойся оставлять ей крупные суммы, потому что никогда не знаешь, что она может задумать.

Опасайся того, что лживая женщина может начать манипулировать другими людьми и настраивать их против тебя, ограничивай ее свободу любыми средствами.

Не бей или старайся не бить женщину по лицу, потому что она обязательно использует оставшиеся следы, чтобы привлечь к себе внимание общества. Помни, твоя борьба с врагом должна быть скрытой, потому что не все сразу поймут всю важность твоих деяний и, испугавшись, могут не позволить тебе продолжить твою миссию.

Никто и никогда не сможет обвинить мужчину в том, что он собственноручно избавил мир от одной порочной сущности, которую именуют женщина.

Сложная задача, которую предстоит решить тому, кто вступил на тропу борьбы со злом, – доказать вместилищу пороков, что оно не имеет никакого права находиться в этом мире. Он должен заставить женщину ощутить всю никчемность своей натуры, указать на тот вред, кото-

рый она несет этому миру, представить неопровержимые доказательства бессмысленности ее жизни и призвать к тому, чтобы она унесла пороки с собой, вернувшись туда, откуда пришла. Женщине нет места на земле.

Обязанность каждого мужчины – спасти мир хотя бы от одной из женщин. Но не все мужчины сильны духом так, как мой муж. Они поддаются женскому очарованию, пропитываются ядом, который источают прекрасные уста, забывают о своем предназначении и погружаются в пучину соблазнов и паутину желаний, которую так искусно плетут женщины.

Мой муж исключение, он еще в юности понял свое предназначение, и с тех пор неустанно исполняет свой кармический долг. Женщина для него – мешок костей, неразумное животное, которое кто-то наделил разнообразными пороками. Он чувствует себя воином света, который с риском для жизни спасает мир от появившихся в нем чудовищ.

Кто я? Я не человек, это уж точно. Не животное, потому что даже в бродячих собак не каждый день кидают камни озлобленные прохожие. Я – самое страшное, что случилось в жизни моего мужа, я яд, отравивший его, я демон, который изо дня в день преследует супруга в его мирном существовании. Я тень, которая упала на его солнце, его кошмар, мучения, боль, наслаждение, пороки, страхи, наваждение. Я – его главная цель.

Иногда, когда он, полный трепетного страха, невидящим взглядом смотрит на меня после очередных побоев, мне кажется, что это в последний раз, потому что после он как будто приходит в себя, начинает просить прощения, целует мои руки, ноги, ссадины, синяки, утирает кровь. Мне хочется верить, что еще не все потеряно и он никогда больше так со мной не поступит.

Но моя вера уже давно не столь сильна – просветления в его сознании бывают все реже. Теперь, после каждого нового припадка, который сопровождается моим избиением, он вполне осознанно подходит и пинает меня, лежащую на полу и утопающую в собственных слезах и крови.

Кажется, что порой лучше не думать о том, что со мной происходит. Я уже знаю этот взгляд, бессмысленный, но при этом жуткий, как у дикого животного, которое жаждет крови, я узнаю этот звериный оскал, который появляется на его лице, я знаю, что этот вечер, утро, день пройдет так же, как и множество предыдущий. Мой муж, пышущий злобой и негодованием, начнет с рассказа о моих пороках и своих страданиях, станет детально объяснять мне, в чем я провинилась на этот раз, а затем начнется этап наказаний, который, кажется, доставляет ему невероятное наслаждение. Это экстатический восторг, который возникает у моего мужа всякий раз, когда он видит кровь на моем теле, пугает меня гораздо больше, чем все самые страшные наказания, которым он меня подвергает. Это темное начало носит определенно сексуальный характер, его возбуждает моя незащищенность перед его унижениями, попреками и ударами, которыми он щедро, каждый день меня награждает.

Раньше я пыталась сопротивляться, говорить с ним, но это было еще хуже, чем молча сносить наказания. За любое противоречие он наказывает меня еще строже. Когда-то я хотела рассказать родителям о том, что происходит, но он пригрозил, что убьет всю мою семью.

Я разносчик инфекции. Не знаю какой, но он каждый раз говорит, что женщина – главная дрянь, которую может попробовать мужчина.

Мне часто хочется забыться. Пару раз, когда его не было дома, я находила бутылки с виски и выпивала все до капли, в надежде на то, что мне удастся не думать о происходящем. Он находил меня в бесчувственном состоянии и каждый раз клал в ванну, наполненную ледяной водой. Как только я приходила в сознание, он начинал читать мне лекцию о том, что я незаметно становлюсь алкоголичкой. Я пыталась возражать, и на смену елейным увещаниям приходили щипки и тумаки, в перерывах между которыми муж твердил, что, если уж мне так надоела жизнь, есть шанс навсегда прекратить этот цирк.

Самое унижительное – это когда в нем срабатывают инстинкты. Не желание, нет, именно инстинкты. Он говорит о том, что я похотлива и продажна, но, по-моему, это выдуманый предлог, который вызывает в нем дополнительную волну возбуждения. Вряд ли можно называть такими словами женщину, у которой ты был первым и единственным, но моему супругу все равно. Мне часто кажется, что я кукла, с которой забавляется неумелый подросток. Еще я думаю, что мои чувства давно атрофировались, я просто лежу и стараюсь не думать о том, что происходит. Раньше я чувствовала себя грязной, мне было мерзко смотреть на себя в зеркало, я была хуже земли под ногами самого страшного грешника. Я знаю, каждым своим действием он добивался именно таких мыслей, он жаждал, потому что только такое отношение женщины к себе может породить в ней мысли, которых он с вожделием ждал.

Ему безумно нравилось издеваться надо мной, делать то, на что я от природы была неспособна. Порой, он доказывал уже даже не мне, а себе, что развратнее женщины нет ни одного существа.

Главное мое чувство – это апатия. Я уже давно не ощущаю телесной и душевной боли, раньше я страдала, рыдала ночами, впившись зубами в подушку, но теперь мне все равно. Моя душа одинока, обезображена и отторгнута.

Когда он учил и наказывал меня, то следовал неведомым указаниям, планам, которые появлялись в его спутанном сознании. Сначала мне казалось, что его мысли – это чистый бред, абсурд, которое рождает его странное воображение, но вскоре обрывочные идеи стали вполне понятны для меня, и кусочки головоломки сложились для меня в единую картину того, что ждало меня впереди. Унижение, избиения, наставления носили вовсе не обрывочный, разорванный характер – они представляли собой целую систему воздействия на человека с одной-единственной целью – заставить женщину желать собственной смерти.

Но я была глупа и недооценила изобретательности супруга. Если бы он хотел просто лишить меня жизни, то смог бы сделать это тысячей разнообразных способов, я думаю, даже так, чтобы никто не узнал, как это произошло. Я отдаю должное изобретательности и коварности этого мужчины.

Но нет, ему не нужна была моя моментальная смерть, он жаждал видеть мои ежедневные, ежечасные страдания и, казалось, был искренне уверен, что через них моя душа придет к искуплению своих пороков.

Не скоро я поняла, что буду терпеть все новые, более изощренные унижения ровно столько, сколько хватит моих сил. Его лишь забавляли мои стоны, крики и слабые попытки отбиваться от новой череды избиений.

Моральное и нравственное насилие были нужны этому человеку, чтобы сломить мое духовное сопротивление ему, потому что физически я была истощена практически полностью и никак не могла ответить на его действия.

Понимание ужасной действительности пришло ко мне после одного из «уроков», как он называл систему своего воспитания. Действительно, ему бы могли аплодировать лучшие умы педагогической мысли: в наших ежедневных занятиях была теоретическая, практическая часть, выводы по итогам объяснения нового материала, домашнее задание и даже повторение пройденного.

Как-то раз, в очередном приступе гнева он начал свою речь с того, что каждая женщина должна подчиняться своему мужу беспрекословно. Это единственное, что позволяет ее проклятой душе заслужить хоть какое-то прощение, – выполнять все, что ей прикажут. В тот вечер он приказывал слишком много всего, ему нравилось коротенькие задачки, например колоть все мое тело кактусом, заставлять нюхать краску, поджигать и быстро тушить мои волосы, заявляя, что именно так мерзко пахнет моя никчемная душа. Интересная забава – пытаться вырвать ноготь плоскогубцами. Изобретательно, не правда ли?

Одним из его любимых занятий было доказать мне, кто здесь хозяин. Было много разных способов; главный – он позволял мне слизать грязь с его ног. Потом он начинал истошно кричать, что я недостойна даже этого – мой удел лизать подошвы его уличной обуви. Немедленно он привел в исполнение и это свой тезис.

В это же день он много курил и пожелал, чтобы я на время стала его пепельницей. Он методично тушил об меня свои сигареты и потом заставляя жевать окурки, потому что производство должно было быть безотходным. Меня тошнило, но ему было все равно, правда, один раз он заметил, что, если хоть что-нибудь попадет ему на ботинки, он заставит меня все вылизать дочиста.

Я животное, поэтому не имею права ходить на двух ногах и обязана передвигаться на четвереньках. Особое наслаждение ему доставляет пинать меня в это время сзади, подобно погонщику бить ремнем по спине.

Еще ему нравится заставлять меня садиться на стул и вытягивать ноги, тогда он брал палку и начинал бить по ним – так он демонстрировал, что при желании я все равно не смогу от него сбежать.

Нравится мужу и царапать меня ножом, но не так, чтобы появлялись открытые большие раны, а с расчетом, что из пореза будет сочиться кровь, но ее нельзя останавливать. Вид крови, видимо, завораживает.

Бьет меня он тоже своеобразно – по лицу практически никогда: боится, что могут увидеть люди, тогда придется объяснять, что произошло, а это лишние хлопоты. Но в этот раз он хотел получить всю гамму удовольствий, поэтому дал десятка два пощечин, грубо, с оттяжкой, как это умеют только мужчины.

Интересно, что ему не давали покоя мои глаза. Он говорил, что в них отражается вся моя дьявольская сущность. Боюсь, что уже не смогу согласиться с классиком, предположившим, будто глаза – зеркало души. Быть может, глаза это действительно зеркало, в моих он определенно видел себя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.